

Martin Pegler. *Soldiers' Songs and Slang of the Great War.*
Oxford: Osprey Publishing, 2014. 408 p.

Первая мировая война в устном и письменном творчестве русских крестьян: По материалам Пушкинского Дома.
СПб.: Изд-во Пушкинского Дома, 2014. 584 с.

В рецензии сравниваются два сборника, любительский британский и научный российский, которые неожиданно оказались близкими по авторским подходам. Отмечаются их достоинства по сравнению с предшествующими изданиями военного фольклора, а именно отказ от его идеологической и эстетической цензуры и попытка показать более полную картину бытовавших на фронте визуальных, вербальных и музыкальных произведений, а не только тех, что были созданы во фронтовой среде в ходе самой войны. При этом оба сборника критикуются за недостаток академичности, что особенно досадно в случае второго из них, авторы которого не избежали научно не доказуемых культурных штампов и предпочли описание материала его анализу.

Ключевые слова: Первая мировая война, фольклор, массовая культура, песни, сленг.

Обе книги приурочены к столетию Первой мировой войны и посвящены современной ей массовой культуре и военному фольклору, если понимать под военным фольклором все вербальные, визуальные и музыкальные произведения, бытовавшие среди участников войны.

В первой книге собраны британские песни и армейский сленг. Во второй — русские песни, солдатские магические тексты, воспоминания, фронтовые письма и лубки. В ее названии указано, что она посвящена «творчеству русских крестьян», но здесь, вслед за Козьмой Прутковым, уместно воскликнуть: «Не верь глазам своим!» — слово «крестьяне» в данном случае отражает не среду происхождения и потребления включенных в книгу произведений, а академические противоречия, терзающие ее авторов, де-юре ассоциирующих область своих научных интересов («фольклор») с крестьянством, а де-факто посвятивших этот коллективный труд творчеству выходцев из самых разных социальных слоев, разным же социальным слоям адресованному.

Английское издание «антиакадемично»: коммерческое, небольшого формата, в мягкой обложке, адресовано широкой публике. Составил его эксперт по стрелковому оружию, оно выпущено в издательстве, которое специализируется на альбомах военной униформы и популярных книжках об истории войн, а тираж не ограничен: можно купить pdf-версию.

Российская книга, созданная в академическом институте (Пушкинском Доме), — это гляцевое подарочное издание большого формата, напечатанное тиражом 500 экземпляров за счет гранта Российского гуманитарного научного фонда и с момента выхода ставшее библиографической редкостью.

Книги эти принадлежат столь разным мирам, что у них не было шансов встретиться в одной рецензии. Но это тот случай, когда «мистер Кольг уравнивает в правах». Обе книги, одна — из-за своеобразия личности составителя, другая — из-за вынужденной эклектичности, связанной с разными интересами авторов, преодолели стереотипы публикации фронтового фольклора, которые критикуются десятилетиями, но свято соблюдаются и самими критиками. Как правило, исследователи ограничиваются произведениями, созданными участниками конкретной войны на злободневные, связанные с ней темы [Фронтная поэзия 1938; Фронтной фольклор 1944; Героическая поэзия 1982; Ярешко 2001 и др.]. Попытки рассмотреть иные произведения, бытующие на войне, немногочисленны; среди них — вышедшая полвека назад коллективная монография сотрудников Пушкинского Дома о фольклоре Великой Отечественной войны [Русский фольклор Великой Отечественной войны 1964].

Авторы обеих книг не игнорировали ни произведения, созданные ранее, ни те, что выходят за рамки военной тематики, ни те, что попали на фронт из печатных изданий, с грампластинок или эстрады — и в этом безусловное достоинство рецензируемых изданий.

Не были связаны авторы и внешними идеологическими и эстетическими рамками, в которых работали их предшественники. Книги включают и материалы фривольного содержания, которые по крайней мере до конца XX в. не принято было публиковать ни в Великобритании, ни в СССР. То, что они составляли важную (если не основную) часть армейского репертуара, не отрицалось, а британскими исследователями даже подчеркивалось как естественное для армии явление. Когда Джон Брофи (John Brophy), соредатор наиболее известного сборника британских солдатских песен и сленга Первой мировой войны, попытался разбить все песни, сочиненные солдатами, на категории, то шесть категорий заняли песни в сниженном языко-

вом регистре — сатирические, абсурдные, про выпивку и секс. Остальные песни уместились в две категории — «панегирики мирной жизни» и «сентиментальные и патетические», причем в последней группе, отметил Брофи, «очень мало примеров, и один под сомнением»¹ [Songs and Slang 1930: 12]. Полные тексты песен с обценной лексикой авторы того сборника привести не решились, дав лишь очищенные от ругательств первые куплеты. Более того, своих информантов им пришлось благодарить анонимно. Песни публиковались без паспортов. Нормы английского общества не позволяли публично, вне мужской дружеской компании заявить о себе как носителе неприличных песен.

Советский поэт А. Сурков в те же самые годы, что и Брофи, размышлял о причинах всеобщей популярности репертуара старой русской армии и о его структуре. Он выделил три его составляющие, в том числе песни «шуточные», цитировать которые, «не нарушая чувства брезгливости к похабщине, невозможно» [Сурков 1934: 224]. Две других — песни ура-патриотические («смесь великодержавнического кваса с шовинистической сивухой») и песни лирические [Там же: 222–227]. Если верить Брофи, то для британской армии, в основе своей добровольной и профессиональной, две последние составляющие не были характерны.

Большинство советских исследователей армейских песен «похабщину» игнорировали: русский солдат, показанный ими «сквозь призму» своих песен, мог быть героем отечества или жертвой царской армейской системы, или и тем и другим сразу, но в последнюю очередь — просто человеком, погруженным в свои мелкие бытовые проблемы и справляющим физиологические надобности, как в одной из песенок в рецензируемом сборнике Пушкинского Дома:

На опушке возле леса небольшой был бой.
Как-то раз у телефона пёрнул часовой... (С. 82)

Мартин Пеглер опубликовал один из оригинальных вариантов популярнейшей фронтовой песни «Мадемуазель из Армантьера», повествующей о похождениях германцев и юной француженки:

Three German soldiers crossed the Rhine, parlez-vous.
Three German soldiers crossed the Rhine, parlez-vous.
Three German soldiers crossed the Rhine,
To fuck the women and drink the wine.
Inky dinky parlez-vous... (P. 331)

¹ Здесь и далее перевод мой.

В финале песенки рождается маленький жирный пруссак, который насилует кошечку и ослика, попадает в ад, но и там продолжает свои похождения. Российские коллеги оказались, впрочем, чуть более осторожными и обсценные слова в песнях заменяли на многоточия.

Одним словом, книги эти сходны и по тематике, и по критериям отбора материала. В обеих блоки фольклорных материалов сопровождаются вводными статьями; у Пеглера внимание в статьях сконцентрировано на условиях бытования и функциях публикуемых произведений, в издании Пушкинского Дома — в основном на их описании.

Составитель британского сборника Мартин Пеглер — эксперт по оружию и армейскому быту, реконструктор-практик, не принадлежащий к академической среде. В течение двадцати лет он был старшим куратором по стрелковому оружию Королевской оружейной палаты. Пеглер снимался в передачах BBC и участвовал в создании компьютерной игры “Sniper Elite” (2005). Сейчас живет на собственной ферме во Франции, в местах боев Первой мировой войны, и проводит по ним экскурсии.

Пеглер — постоянный автор издательства “Osprey”, где выпустил книги о снайперах (“Out of Nowhere: A History of the Military Sniper”, 2004; “Sniper: A History of the US Marksman”, 2007) и альбом быта британского солдата Первой мировой (“British Tommy 1914–18”, 1996). Рецензируемое издание, проиллюстрированное карикатурами времен Первой мировой войны из журнала «Панч», вышло как очередная популярная книжка “Osprey”.

Пеглер пишет, что заинтересовался Первой мировой войной еще в детстве, когда в 1960-е гг. к нему в руки попало переиздание сборника Брофи и Партриджа — оба эти составителя сами прошли войну, затем один стал писателем, другой — лексикографом. К столетию войны Пеглер решил обновить сборник. Он добавил, во-первых, обсценные песни, во-вторых — эстрадные песни, которые были популярны в британском обществе времен войны, в том числе и среди фронтовиков.

В итоге в книге Пеглера три раздела: словарь сленга, занимающий половину издания, тексты эстрадных песен и, наконец, тексты песен, сочиненных в армейской среде и бытовавших почти исключительно в ней же.

Включение сленга в сборник фронтового фольклора для Пеглера — традиция, идущая от Брофи и Партриджа. В России, напротив, исследование военного жаргона не получило распространения. Словарей и работ о русском армейском жар-

гоне, включая любительские, немного, и в основном выполнены они на материале последних четырех десятилетий [Лихолитов 1998; Коровушкин 2000; Лурье 2008; Бройдо].

Переходя к песням, автор отмечает, что они играли в британском обществе начала XX в. гораздо большую роль, чем сегодня, и комментирует динамику эстрадного репертуара: всплеск интереса к патриотическим песням в 1914 г., скорое вытеснение их песнями, выражавшими критическое отношение к войне или вообще далекими от военной тематики, и, наконец, популярность оптимистических американских песен в 1918 г.

Песни, сочиненные в самой армейской среде, Пеглер разделил на три группы, исходя из их формы и функции. В первую вошли песни, которые могли петься на марше. Во вторую — кумулятивные песенки, исполнявшиеся в ходе работ или в свободное время. В третью — монологи на основе песенных текстов, которые чаще говорились скороговоркой, чем пелись: их использовали в состязаниях в декламации, победитель которых пил весь вечер в кабаке за чужой счет — благо Великобритании, в отличие от России, не вводила сухого закона.

Оформление и содержание русской книги тоже продолжает сложившуюся издательскую традицию, даже две традиции издательства Пушкинского Дома. Во-первых, это выпуск комментированных материалов из собственных архивов к юбилею крупных отечественных войн: такой сборник выходил к 200-летию войны 1812 г., а затем и к 70-летию победы в Великой Отечественной [Отчизну обняла кровавая забота 2012; Верили в победу свято 2015]. Во-вторых, издание имеет альбомный формат, который Пушкинский Дом использует для публикации лубочных картинок [Почему конь не собака 2008; Русский батальный лубок XIX–XX вв. 2010; Русский батальный лубок середины XIX в. 2010]. В рецензируемую книгу тоже вошли только материалы из собственных архивов: Фонограммархива, Рукописного отдела и Древлехранилища.

В книге четыре части: «Солдатский фольклор», «Солдатские воспоминания», «Письма с передовых позиций» и «Лубочные картинки». Сопроводительные тексты созданы девятью авторами, тексты эти разного объема и качества: от примечаний в несколько строк до полноценных статей.

Я остановлюсь на четырех статьях, которые выходят за границы комментария к публикуемым материалам и имеют самостоятельное значение. Это статьи «Первая мировая война в русских народных песнях и частушках» А.Н. Власова и Е.А. Дороховой, «“Лубочные” сборники Первой мировой войны» А.Н. Розова, «“Патриотическая” мистификация

Зинаиды Гиппиус» Н.Г. Комелиной и «Лубки и военные плакаты 1914–1915 гг.» А.Ф. Некрыловой.

Работа А.Н. Власова и Е.А. Дороховой (С. 8–31) предваряет публикацию более чем сотни солдатских песен и около двух с половиной сотен частушек, записанных в фольклорных экспедициях в 1920–1990-х гг.; некоторые песни записала и нотировала сама Е.А. Дорохова. Часть песен дана с нотами — это большая редкость в современных фольклористических изданиях не музыковедческого характера.

Авторы отметили важные особенности бытования песен в русском обществе в канун войны, прежде всего, движение к унификации репертуара: песни, которые изначально считались мужскими, в том числе на военную тематику, уже пели и женщины, региональные песенные особенности сглаживались, в обиходе утвердились тонально-гармонические песни «европейского» образца с текстами литературной традиции, основанными на силлаботонике (армия была одним из очагов распространения таких песен), хотя и песни в модальной музыкальной системе (авторы называют их «традиционными крестьянскими» и «традиционными фольклорными») еще продолжали существовать.

А.Н. Розов (С. 194–201) проанализировал содержание 20 русских песенников военной тематики, изданных в годы Первой мировой войны и хранящихся в Пушкинском Доме, и 17 аналогичных песенников из фондов Российской национальной библиотеки. Он отметил связь популярности песен не только с их публикацией в песенниках, но и с граммофонными записями, лубками и кинофильмами на основе песенных сюжетов. Далее в рецензируемой книге перепечатан с комментариями А.Н. Розова самый объемный из рассмотренных им песенников, выпущенный в Ярославле фольклористом-любителем В.И. Симаковым в 1916 г. (С. 202–265). Сборник не типичен в том отношении, что, во-первых, Симаков поместил в него и песни, посвященные новой войне, и песни, бытовавшие до нее, причем не только на военную тему, а во-вторых, не исключено, хотя и не доказано, что Симаков использовал как один из источников собственные фольклорные записи. Другие составители, как правило, публиковали или исключительно ранее бытовавшие песни, или, наоборот, только песни, написанные в связи с Первой мировой — собственного сочинения либо перепечатанные из периодических изданий и свежих поэтических сборников.

Статья Н.Г. Комелиной (С. 510–519) посвящена одному литературному проекту — стихотворной переписке Зинаиды Гиппиус с фронтовиками от имени трех вымышленных женщин-

служанок. По итогам переписки поэтесса выпустила книжку. В отличие от коллег, автор фокусируется не только на содержании текстов Гиппиус, но и на последствиях ее обращения к мистификации и на причинах этого обращения, в числе которых — гражданская позиция поэтессы, отрицавшей войну и не желавшей во время войны творить в привычных для себя формах.

А.Ф. Некрылова (С. 554–567) анализирует темы лубков Первой мировой войны. Ее работа сопровождается публикацией нескольких десятков лубков, как оригинальных, так и переделок образцов, бытовавших ранее. Среди прочих опубликованы патриотические лубки профессиональных художников.

* * *

Теперь — о недостатках книг. Они существенны, как и достоинства, причем к Пеглеру, не претендующему на строгую научность, и претензий меньше. В его случае главный недостаток — это упущенная возможность вывести издание британского фольклора Первой мировой войны на другой уровень. Пеглер, как и его предшественники, не паспортизовал публикуемые материалы, хотя мог это сделать — в крайнем случае зашифровав имена информантов. В итоге неизвестно, какие тексты записал он сам, когда в 1970–1980-е гг. интервьюировал ветеранов Первой мировой, а какие взял из других источников. Неизвестно также, вносил ли он правку в тексты. Кроме того, Пеглер, в отличие от Брофи и Партриджа, почти не снабдил песни комментариями. Для эксперта по стрелковому оружию публикация сведений о записи фольклорных текстов и пространственных комментариев, возможно, и не важна, но это, безусловно, расширило бы сферу применения и увеличило научную ценность книги, не уменьшив ее привлекательности для широкого круга читателей. Известно много коммерчески успешных академических изданий фольклора, особенно если они, как в данном случае, иллюстрированы и доступны по цене, например: [Современная баллада и жестокий романс 1996], а также сам сборник Брофи и Партриджа, который переиздавался несколько раз, в том числе дважды в течение первого года со дня выхода.

Не дал Пеглер и библиографии предшествующих публикаций, посвященных британским песням и сленгу Первой мировой войны. Учитывая его интересы, он, вероятно, мог составить и хорошую библиографию о быте Первой мировой войны.

Остальные минусы книги носят частный характер. Пеглер упомянул, что сленг служил лингва франка для британских солдат, т.к. в окопах вместе оказались профессионалы из Экспедици-

онного корпуса, добровольцы и призывники (после того, как поток добровольцев иссяк, пришлось объявить призыв), говорившие на разных, иногда взаимно малопонятных социальных и региональных вариантах английского. Однако другим функциям сленга и источникам его пополнения составитель сборника не уделил внимания.

Использованная Пеглером систематизация песен на основе единства формы и функции наглядна и порадовала бы адептов строгого жанрового деления, но автор не заострил внимание на том, что система эта условна, потому что единство формы и функции относительно: одна и та же песня может использоваться в разной ситуации и с разной целью, на марше и вне его. Он и сам дает пример перехода одного «жанра» в другой, когда пишет, что песенки из мюзик-холлов переделывались в армейские монологи.

В книге Пушкинского Дома, как это ни странно, тоже нет общей библиографии. Нет и общего вводного текста об истории изучения фольклора Первой мировой, хотя его изучают уже 100 лет: первые работы появились в 1914 г.; подборка дореволюционных статей, посвященных песням, частушкам и лубкам Первой мировой войны, хранится, например, в фонде Ю.М. и Б.М. Соколовых [РГАЛИ. Ф. 483. Оп. 1. Д. 2694].

Отсутствие вводного текста и библиографии в первом специализированном издании фольклора Первой мировой тем более досадно, что эта тема была совершенно исключительной в советской фольклористике. Ее исследователи находились в жестких идеологических рамках. По большому счету, они могли лишь иллюстрировать фольклорными текстами бесчеловечность царской службы и стремление русских солдат перевести войну внешнюю в войну гражданскую под руководством партии большевиков, поскольку Первая мировая в официальной советской науке считалась антинародной и захватнической [История ВКП(б) 1945: 155–156]. В итоге и советских работ о фольклоре Первой мировой войны было немного [Чичеров 1936; Эвентов 1937; Шнеерсон 1938; Элиасов 1973], немного было и тематических публикаций [Гуревич 1938; Русские народные песни 1943]. В несостоявшуюся библиографию можно было бы включить и военные мемуары, авторы которых уделили много внимания армейскому фольклору [Войтоловский 1925; 1927], а также художественные произведения о войне, написанные ее участниками [Тардов 1934].

Досадная опечатка вкралась в оглавление и предисловие книги: публикуемый сборник Симакова датирован там 1915 г. (С. 6, 283), хотя вышел в 1916 г.

К авторам отдельных статей тоже есть вопросы. Огорчает неравноценность текстов: песням и лубкам отведено гораздо больше места, чем магическим текстам, солдатским мемуарам и письмам, хотя последние изучены хуже и публиковались реже. Предваряя публикацию текстов-оберегов, А.Г. Бобров лишь перечисляет их разновидности и приводит примеры цитирования в литературных памятниках (С. 266–272). Предисловия к мемуарам участников войны, написанные А.Г. Бобровым (С. 278–283, 301), В.П. Бударагиным (С. 309) и Г.В. Маркеловым (С. 328–347), посвящены только публикуемым материалам, а не солдатской мемуаристике Первой мировой войны в целом. Письма солдат действующей армии (С. 548–552) даны практически без комментариев.

А.Н. Власов и Е.А. Дорохова публикуемые песни разделили на три части по времени появления: 1) песни, созданные в годы Первой мировой войны; 2) песни, перетекстованные в годы Первой мировой войны; 3) традиционные солдатские и воинские песни крестьянской традиции XVIII–XIX вв., продолжавшие бытовать в армии (С. 33–156). Деление это спорно, не строго соблюдается самими авторами, и можно было вполне обойтись без него.

В первые две группы попали песни «европейского» образца, тематически связанные с Первой мировой, однако помещение «перетекстовок» и «новых песен» в разные группы сомнительно, т.к. между новой песней и перетекстовкой нет четкой границы. «Новая песня» может оказаться перетекстовкой старой, неизвестной исследователю.

В третью группу песни включались независимо от тематики, при этом среди песен в модальной системе, которую авторы ассоциируют с крестьянской традицией XVIII–XIX вв., оказались и песни вполне «европейские», с силлабо-тоническими текстами — например, «Последний нынешний денечек» и «Раз турецкая богиня», причем последняя восходит к духовной среде. Таким образом, определение «традиционные солдатские и воинские песни крестьянской традиции», несмотря на двойную отсылку к «традиции», оказалось на практике абсолютно неопределенным.

Самое уязвимое место статьи — ее вводные абзацы, посвященные актуальности темы. Используемая в них терминология — «метафизические основы проблем», «духовная память нации» — как представляется, выходит за рамки фольклористических (и вообще научных) понятий, а ряд тезисов опровергается самим материалом. Например, фраза «Служба в армии, защита своего отечества издавна воспринимались русскими людьми как священный долг каждого мужчины»

(С. 9–10) в отношении русских крестьян конца XIX — начала XX в. в корне неверна [Кормина 2005: 6] и плохо согласуется с песнями из рецензируемого сборника, в которых говорится о нежелании служить:

Ах, ты, мать моя родная,
Зачем на свет родила,
Судьбой несчастной наградила,
Шинелью серой обрела? (С. 71)

Ах, зачем молодцов забирают,
Оставляют одних стариков,
Много-много без хлеба страдают,
Много сирот беззащитных и вдов. (Там же)

Статья А.Н. Розова о песенниках основана исключительно на патриотически настроенных легально изданных песенниках 1914–1916 гг. — времен империи, но автор этого не оговаривает. Нелегальные песенники и все песенники 1917 г., периода республики, проигнорированы, хотя они резко отличаются по тематике: призывают продолжать войну уже во имя иных целей [Чуж-Чуженин 1917] либо вести войну не внешнюю, а классовую.

Не затрагивает автор и вопросов бытования песенников, их аудитории, личности составителей и издателей, целей этих людей, причем ответы на некоторые вопросы есть в самих песенниках. Так, составитель В. Крылов в своем первом песеннике обещал всю чистую прибыль перевести в пользу «раненых, больных воинов и их семей» [Солдатские военные песни 1915: 3], а в третьем издании [Солдатские военные песни 1916] опубликовал отчет о перечисленных суммах. В этом же издании он указывает военные округа и войска, руководство которых отреагировало на выход первых двух песенников (официально объявило о них или рекомендовало к приобретению), а также отмечает, что Министерство просвещения допустило первый сборник в библиотеки низших учебных заведений. Иными словами, спрос на патриотические песенники поддерживался, по меньшей мере, штабными и образовательными учреждениями. Возможно, как раз по этой причине такие песенники выходили вплоть до 1916 г., хотя патриотический подъем в обществе остыл, и именно поэтому в 1918 г. некоторые песни из песенников, например «Пусть свищут пули, льется кровь», были популярны в белогвардейских частях, сформированных из гимназистов и студентов, которые судили о песнях, подходящих для войны, в том числе и по песенникам.

Автор оставил открытым вопрос о том, пользовались ли эти песенники популярностью в окопах Первой мировой. В мемуарах и художественных произведениях об этой войне упомина-

ния о песенниках в руках солдат или о потребности в них единичны. Например, Артем Веселый пишет о краже подсумка с песенником у солдата, который ехал домой с Турецкого фронта, но не поясняет, что это был за песенник [Веселый 1983: 72–73]. Песенники военной тематики составляли лишь малую долю выпускаемых в ходе Первой мировой войны русских песенников, в чем можно убедиться, просмотрев каталоги крупнейших российских библиотек.

В комментариях А.Н. Розов указал, в каких из рассмотренных сборников Первой мировой войны и сборниках позднейшего времени встречаются варианты песен, опубликованных Симановым (С. 202–204). Однако ценность таких ссылок относительна, т.к. использованный для ссылок корпус песенников случаен и ограничен: в одной только Российской национальной библиотеке хранится более сотни песенников военной тематики, вышедших во время Первой мировой. Из сборников советской эпохи в комментариях использованы в основном издания широко известные, в том числе те, материалы которых выложены в свободном доступе в интернете.

Иллюстрации, подобранные к статье А.Ф. Некрыловой, иногда говорят больше, чем посвященный им текст самой статьи. В частности, мы имеем возможность увидеть лубки представителей русского авангарда и модерна: А. Лентулова, К. Малевича, В. Маяковского, О. Шарлеманя и др. Но в самой статье участию профессионалов в лубочной индустрии посвящен лишь один абзац.

Автор перечисляет темы лубков, но обходит стороной процесс их бытования. Прекращение выпуска лубков в 1915 г. А.Ф. Некрылова связывает с тем, что Россия начала терпеть поражения в войне, а лубку нужны оптимистические темы (С. 556). Однако на примере песенников мы видим, что неудачи не обязательно останавливают выпуск ура-патриотической продукции. Была и другая причина, более серьезная, которая не упомянута: новые лубки были встречены обществом неоднозначно и уже в первые месяцы войны начали подвергаться репрессиям властей. Так, самарский губернатор, мотивируя свое решение жалобами военнослужащих и их семей, осенью 1914 г. запретил выставлять лубки в витринах магазинов [РГАЛИ. Ф. 483. Оп. 1. Д. 2694. Л. 1]. А в 1915 г. выпуск сатирических лубков был просто-напросто запрещен российским правительством [Купцова 2013: 319].

* * *

Итак, обе книги явились важным шагом в публикации военного фольклора, но это шаг прежде всего в сторону расширения

круга публикуемых произведений. Гораздо менее уверенным оказалось движение в сторону анализа обстоятельств бытования фольклора, его функций и роли в сообществе. Ведь интересно не только то, что пели, публиковали или изображали красками в то или иное время, но и то, зачем, кто и как это делал, как и почему эти действия и их причины отличаются от нашего пения и слушания песен, рисования и «расшаривания постов» в интернете.

Список сокращений

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства

Архивные материалы

РГАЛИ. Ф. 483. Соколовы Б.М., Ю.М. Оп. 1. Д. 2694. Вырезки из газет о фольклоре войны 1914 г. 1914–1916 гг.

Источники

- Бройдо Я.* Словарь солдатского жаргона // Боян: Поэтическая речь русских. Народные песни и современный фольклор / Соб. А. Бройдо, Я. Кутьина, Я. Бройдо. <<http://daabooks.net/sold/sold8.koi.html>>.
- «Верили в Победу свято»: Материалы о Великой Отечественной войне в собраниях Пушкинского Дома. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома, 2015. 380 с.
- Веселый А.* Россия, кровью умытая // Веселый А. Избранная проза. Л.: Лениздат, 1983. С. 5–442.
- Войтоловский Л.* По следам войны: Походные записки 1914–1917. Л.: Госиздат, 1925. Т. 1. 200 с.; М.; Л.: Госиздат, 1927. Т. 2. 283 с.
- Героическая поэзия гражданской войны в Сибири / Предисл., примеч., сост. Л.Е. Элиасов. Новосибирск: Наука, 1982. 329 с.
- История ВКП(б). Краткий курс / Под ред. комиссии ЦК ВКП(б). Одобрен ЦК ВКП(б) в 1938 г. М.: ОГИЗ — Госполитиздат, 1945. 352 с.
- Коровушкин В.П.* Словарь русского военного жаргона: нестандартная лексика и фразеология вооруженных сил и военизированных организаций Российской империи, СССР и Российской Федерации XVIII–XX веков. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2000. 371 с.
- Лурье М.Л.* Глоссарий // Поэзия в казармах: Русский солдатский фольклор (из собрания «Боян» Андрея Бройдо, Джаны Кутьиной и Якова Бройдо) / Сост. и ред. М.Л. Лурье. М.: ОГИ, 2008. (Нация и культура / Фольклор: Новые материалы). С. 537–545.
- «Отчизну обняла кровавая забота...»: Рукописное наследие Отечественной войны 1812 года в собраниях Пушкинского Дома / Сост. Г.В. Маркелов. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома, 2012. 448 с.

- «Почему конь не собака?» / Под. ред. А. Некрыловой. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома, 2008. 30 с.
- Русские народные песни / Ред.-сост. Е.В. Гиппиус; отв. ред. М.А. Матвеев. Л.: Искусство, 1943. 432 с.
- Русский батальный лубок XIX–XX вв. из собрания Пушкинского Дома / Сост. Я.В. Зверева, Г.В. Маркелов. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома, 2010. 40 с.
- Русский батальный лубок середины XIX в. Крымская война 1853–1855 годов / Сост., подгот. текста, коммент. и указатели Я.В. Зверевой, Г.В. Маркелова. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома, 2010. 176 с.
- Современная баллада и жестокий романс / Сост. С.Б. Адоньева, Н.М. Герасимова. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 1996. 413 с.
- Солдатские военные песни Великой Отечественной войны 1914–1915 гг. / Соб. В. Крылов. Харбин: Тип. Заам. окр. погр. стр. 1915. 72 с.
- Солдатские военные песни Великой Отечественной войны 1914–1915 гг. / Соб. В. Крылов. 3-е изд. Харбин: Элек.-тип. Д.А. Джинжих-Швиля, 1916. 80 с.
- Тардов М.* Фронт. 2-е изд. Харьков: Радянська література, 1934. 402 с.
- Фольклор Восточной Сибири / Сост. А.В. Гуревич. Иркутск: ОГИЗ, 1938. 180 с.
- Фронтальная поэзия в годы гражданской войны / Вступ. ст., ред. и прим. В.М. Абрамкина. М.: Сов. писатель, 1938. 216 с.
- Фронтальной фольклор / Записи, вступ. ст. и комм. В.Ю. Крупянской. Под ред. и с предисл. М.К. Азадовского. М.: Гослитмузей, 1944. 132 с.
- Чуж-Чуженин (Фалеев Н.И.).* Песенник революционного солдата. 1-й сб. [Пг.]: Кооп. изд. т-во «Революционная мысль», [1917]. 32 с.
- Ярешко А.С.* Народные песни Великой Отечественной войны. Саратов: Поволжск. кн. изд-во, 2001. 248 с.

Библиография

- Кормина Ж.В.* Проводы в армию в пореформенной России: Опыт этнографического анализа. М.: НЛЮ, 2005. 376 с.
- Купцова И.В.* Первая мировая война и развитие массового искусства в России // Первая мировая война в истории и культуре России и Европы: Сб. ст. / Под ред. Г.В. Кретиной, И.О. Дементьева, С.А. Якимова. Калининград: Живем, 2013. С. 315–322.
- Лихолитов П.В.* Современный русский военный жаргон в реальном общении, художественной литературе и публицистике: системно-языковой, социолингвистический и функционально-стилистический аспекты: Дис. ... к. филол. н. / Univ. of Jyväskylä. Jyväskylä, 1998. 242 с.
- Русский фольклор Великой Отечественной войны / Отв. ред. В.Е. Гусев. М.; Л.: Наука, 1964. 478 с.

- Сурков А. Песенники на середину // Знамя. 1934. № 8. С. 220–237.
- Чичеров В. окопные песни мировой войны // Литературный критик. 1936. № 11. С. 194–206.
- Шнейерсон Г. Солдатские песни мировой войны // Советская музыка. 1938. № 8. С. 17–23.
- Эвентов И. Революционная солдатская поэзия 1917 года // Литературный современник. 1937. № 8. С. 219–235.
- Элиасов Л.Е. Фольклор Восточной Сибири. Улан-Удэ: Б.и., 1973. Ч. 3: Локальные песни. 483 с.
- Songs and Slang of the British Soldier: 1914–1918 / Ed. by J. Brophy, E. Partridge. 2nd ed. L.: Partridge at the Scholartis Press, 1930. 224 p.

Рустам Фахретдинов

A Review of Martin Pegler, *Soldiers' Songs and Slang of the Great War*. Oxford: Osprey Publishing, 2014, 408 pp.; *Pervaya mirovaya vojna v ustnom i pismennom tvortshestve russkikh krestyan: Po materialam Pushkinskogo Doma* [The First World War in Oral and Written Works of Russian Peasants: Materials of the Pushkin House]. St Petersburg: Pushkinskiy Dom Press, 2014, 584 pp.

Rustam Fakhretdinov

European University at St Petersburg
Gagarinskaya st. 3, St Petersburg, Russia
rfakhretdinov@eu.spb.ru

This review compares Martin Pegler's *Soldiers' Songs and Slang of the Great War* and *The First World War in Oral and Written Works of Russian Peasants*. Both books pioneer in representing the folklore of the First World War in the context of British and Russian popular culture. They include not only works that soldiers composed during the war, but also works they used, such as songs by professional songwriters and posters by professional artists. Authors hadn't ignored obscene folk texts. Both books do not have a bibliography. The first book is criticized for publishing folk texts without comments, which eliminates their scientific value and reduces the field of application. The second book lacks a general introduction to logically connect thematically scattered chapters and to elucidate the background of the topic. Some authors of this book use questionable terminology and cultural stamps. Their articles are more descriptive than they are analytical.

Keywords: First World War, folklore, popular culture, songs, slang.

References

- Brophy J., Partridge E. (eds.), *Songs and Slang of the British Soldier: 1914–1918*. 2nd ed. London: Partridge at the Scholartis Press, 1930, 224 pp.
- Chicherov V., ‘Okopnye pesni mirovoy voyny’ [The Trench Songs of the World War], *Literaturnyy kritik*, 1936, no. 11, pp. 194–206. (In Russian).
- Eliasov L. E., *Folklor Vostochnoy Sibiri* [Folklore of East Siberia], Ulan-Ude, 1973, vol. 3: Lokalnye pesni [Local Songs], pp. 452–75. (In Russian).
- Eventov I., ‘Revolutsionnaya soldatskaya poeziya 1917 goda’ [Revolutionary Soldier Poetry in 1917], *Literaturnyy sovremennik*, 1937, vol. 8, pp. 219–35. (In Russian).
- Gusev V. E. (ed.), *Russkiy folklor Velikoy Otechestvennoy voyny* [Russian Folklore of the Great Patriotic War]. Moscow; Leningrad: Nauka, 1964, 478 pp. (In Russian).
- Kormina J. V., *Provody v armiyu v poreformennoy Rossii: Opyt etnograficheskogo analiza* [Seeing off to the Army: An Ethnographic Essay]. Moscow: NLO, 2005, 376 pp. (In Russian).
- Kuptsova I. V., ‘Pervaya mirovaya voyna i razvitiye massovogo iskusstva v Rossii’ [The First World War and the Development of Mass Art in Russia], Kretinin G. V., Demytyev I. O., Yakimov S. A. (eds.), *Pervaya mirovaya voyna v istorii i kulture Rossii i Yevropy: sb. statey* [The First World War in the History and Culture of Russia and Europe: A Collection of Articles]. Kaliningrad: Zhivem, 2013, pp. 315–22. (In Russian).
- Likholtov P. V., *Sovremennyy russkiy voennyi zhargon v realnom obshchenii, khudozhestvennoy literature i publitsistike: sistemno-yazykovoy, sotsiolingvisticheskiy i funktsionalno-stilisticheskiy aspekty* [Modern Russian Military Slang in Real Communication, Fiction, and Journalism: Aspects of Language System, Sociolinguistics, and Functional Style]: PhD Thesis / University of Jyväskylä. Jyväskylä, 1998, 242 pp. (In Russian).
- Shneerson G., ‘Soldatskie pesni mirovoy voyny’ [Soldier Songs of the World War], *Sovetskaya muzyka*, 1938, no. 8, pp. 17–23. (In Russian).
- Surkov A., ‘Pesenniki na seredinu’ [Singers to the Middle], *Znanya*, 1934, no. 8, pp. 220–37. (In Russian).